

УДК 378.4

ПЛАТА ЗА ОБУЧЕНИЕ: РЕАЛЬНОСТИ ГЖЕЛЬСКОГО ТЕХНИКУМА, 1946–1955 ГОДЫ

Киселёв А.Г., Соловьёва С.Н.

ФГБОУВО Гжельский государственный университет, Электроизолятор, Московской обл., e-mail: solovjeva.gzhel@yandex.ru

Статья посвящена такой малоизученной в истории среднего специального образования теме, как плата за обучение в советских техникумах послевоенной эпохи. На материалах Гжельского силикатно-керамического техникума 1946–1955 гг. показаны условия платежей, как с организационной точки зрения, так и исходя из материальных возможностей учащихся-плательщиков. Освещена и правовая регламентация платежей, определены социальные группы учащихся, от платежей освобождённых. Установлено, что законодательно-нормативные положения на этот счёт соблюдались техникумовской администрацией. Выяснено, что для учащихся Гжельского техникума платежи были серьёзным обременением, показаны трудности сбора платы за обучение, очевидно, общераспространённые. Определено противоречивое влияние отношений, связанных с платежами, на процесс социализации личности учащегося. Материальная ответственность, стимулируя «взросление», заставляла учащихся отвлекаться на заработки, искание справок об освобождении от оплаты способствовало вовлечению подростков и молодёжи в систему гражданско-правовых отношений, «встраиванию» молодого человека в систему государственного патернализма.

Ключевые слова: средние специальные учебные заведения, плата за обучение, категории учащихся, освобождённых от платы за обучение, социализация личности, патернализм.

TUITION FEES: REALITY GZHELIAN COLLEGE, 1946–1955 YEARS

Kiselev A.G., Solovjeva S.N.

Gzhel State University, Elektroizolyator, Moscow region, e-mail: e-mail: solovjeva.gzhel@yandex.ru

The article is devoted to a little-known in the history of secondary special education as a subject of tuition fees in colleges Soviet postwar era. On materials Gzhel silicate-ceramic technical school years 1946–1955. Shows payment terms as from an organizational point of view and on the basis of material resources-payers students. Lit and legal regulation of payments, defined social groups of students from the liberated payments. It was established that the legislative and regulatory provisions on this matter are respected colleges administration. On Gzhelcollege materials showing the difficulty of collecting fees, obviously, the more common. The influence of the relations connected with the payments, the process of socialization of the individual student. Liability stimulating "maturing", forced students to be distracted to work, seeking certificates of exemption from payment contributed to the involvement of adolescents and youth in civil law relations, "embedding" a young man in the system of state paternalism.

Keywords: secondary special educational institutions, tuition fees, school-exempt tuition fees, socialization of the individual, paternalism.

Исследователи истории среднего специального образования СССР, в том числе послевоенной эпохи, как правило, сторонятся социальных аспектов проблематики. Социальное присутствует лишь в виде самых общих образов – индустриализации, войны, хрущевских реформ и т. п. История техникумов рассматривается в лучшем случае в связи с поворотами политики в области образования [1; 3; 5].

Напрасно искать работы, в которых исследовалось бы не «развитие» образования в тот или иной период, а его «повседневность», рассматривался бы техникум в его жизнедеятельности, как таковой.

Методологически продуктивная идея «учебной повседневности», недавно сформулированная И.Б. Орловым [6, 39], только осваивается. Чуть ли не единственным

примером исследования техникумовской действительности является труд В.В. Никонова [4]. Это тем более странно, что история образования существует как под-отрасль педагогической науки, и по определению невозможна без освещения взаимоотношений участников образовательно-воспитательного процесса.

Понятно, что сугубо личностные, психологические по своей природе цели, задачи, мотивы поведения учащегося во многом детерминировались его социальным положением и самочувствием. От образа жизни и достатка семьи, стипендии, социальных выплат во многом зависело и распределение дневного (рабочего) времени учащегося техникума. Учащиеся техникумов, особенно сельских, в послевоенные годы зачастую являлись главными работниками в семьях, потерявших отцов, вынуждены были совмещать учебу с работой в колхозах, поисками заработков.

Понятие социальное положение весьма широко. В данном случае обратимся к вопросу о материальном положении учащихся, определявшимся достатком семьи, заработками и платежами. Целью настоящей статьи является исследование вопроса о плате за обучение, сравнение законодательно-нормативных положений с реальностью на примере одного из многочисленных советских сельских техникумов – Гжельского. При этом мы стремились не просто дать некую по возможности объективную характеристику платы за обучение, правил и исключений, но и определить её посильность, ее влияние на процесс социализации личности и социальное самочувствие учащегося.

При подготовке работы авторами были использованы законодательно-нормативные положения, регулировавшие работу средних специальных учебных заведений СССР в 1947–1958 гг., а также приказы Гжельского силикатно-керамического техникума, в настоящее время хранящиеся в архиве Гжельского государственного университета. Этих документов достаточно для реконструкции объективной картины. Роль отношений, строившихся вокруг оплаты обучения, как фактора социализации, косвенным образом освещена в других документах Гжельского техникума, прежде всего, в заявлениях и справках об освобождении от оплаты.

В ходе исследования выяснился ряд принципиальных вещей. Обучение в советских средних специальных учебных заведениях, равно как и в старших классах средней школы и вузах, перед Великой Отечественной войной стало платным. Для техникумов, не считая Москвы и Ленинграда, а также столиц Союзных Республик, устанавливалась сумма, равная 150 руб. в год [9, с.128]. Этот порядок держался до 1956 г., когда названное постановление было отменено.

В современной литературе установление платы за обучение в старших классах общеобразовательной школы связывается с общим курсом социальной политики 40–50-х гг.,

одной из важнейших задач которой было обеспечение промышленности рабочими руками. Платность стала средством канализации молодёжи, прежде всего колхозной, в фабрично-заводские рабочие. Не случайно в том же 1940 г. была учреждена система трудовых резервов – система планомерной массовой подготовки молодых рабочих и последующего их трудоустройства [8, с.13].

Сумма 150 руб. была весьма обременительной для семей сельчан Подмосковья, масса которых получала денежные средства не в колхозе, а за счёт продажи продуктов с приусадебного участка и сторонних работ. Платёжеспособность деревни особенно упала во время войны и первые послевоенные годы в связи с негативными демографическими изменениями. К тому же в 1946–1947 гг. в стране разразился голод, пусть в меньшей степени, нежели другие регионы, затронувший и Московский район [2, с. 74, 79].

Характерными в этой связи представляются некоторые документы Гжельского техникума. Так, в одном из февральских приказов 1947 г. говорилось о невозможности покрыть дефицит картофеля и овощей на складе за счёт торговых организаций. Известны и заявления учащихся о болезни, и случаи отчисления из техникума в этой связи.

Знакомство с приказами Гжельского техникума послевоенного десятилетия показывает, что тема оплаты за обучение была весьма актуальной. На протяжении всего периода в начале каждого нового полугодия в техникуме издавались соответствующие приказы.

Типичными в этом отношении являются февральский и октябрьский приказы 1946 г. Ими определялась полугодовая сумма платежа – 75 руб., сроки внесения денег или предоставления документов, дававших право на бесплатное обучение: после зимней сессии соответственно не позднее 1-го мая и 1 апреля, после летней сессии – не позднее 1 декабря и 15 ноября. В дальнейшем даты внесения платежа варьировались, но по-прежнему по семестрам.

От платы за обучение постановлениями СНК СССР, инструкциями Всесоюзного Комитета Высшей Школы (ВКВШ) при СНК СССР, наряду с отличниками, освобождались:

- а) с 1940 г. – инвалиды-пенсионеры, их дети, а также воспитанники детских домов;
- б) с 1941 г. – дети офицеров-инвалидов Великой Отечественной войны и дети погибших на фронте офицеров, дети рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота;
- в) с 1942 г. – лица, вернувшиеся с военной службы по ранению, контузии, увечью или болезни;
- г) иждивенцы рядового и младшего начальствующего состава, призванного в ряды Красной армии и Военно-морского флота, получающие пособие, согласно Указу Президиума

Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г.;

д) дети высшего и старшего офицерского состава Красной армии, Военно-морского флота, войск и органов НКВД и НКГБ, зачисленных на пенсию.

С 1949 г. разъяснение Министра высшего образования (№ УТ-1-19/185) разрешало освобождать от платы за второе полугодие 1948/49 уч. г. не только отличников, но и учащихся, имевших 2/3 отличных оценок при 1/3 – «хорошо».

Насколько аутентично эти установленные правительством нормы принимались в расчет руководством Гжельского техникума? Ответ на вопрос находим в одном из документов 1948 г., где содержался аналогичный перечень категорий учащихся, освобожденных от платы за обучение:

а) инвалиды Великой Отечественной войны;

б) инвалиды-пенсионеры и их дети в том случае, если получаемая пенсия является для них единственным источником средств к существованию;

в) персональные пенсионеры по старости за выслугу лет и пенсионеры – Герои труда и их дети, если пенсия является единственным источником к существованию;

г) дети военнослужащих рядового, сержантского и старшинского состава;

д) дети иждивенцев военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, погибших и без вести пропавших на фронтах Великой Отечественной войны;

е) дети офицеров-инвалидов Великой Отечественной войны и дети офицеров, погибших, пропавших без вести и умерших впоследствии ранений, контузий, увечий и заболеваний, полученных на фронтах Великой Отечественной войны.

Очевидно, во-первых, что единственным крупным упущением техникумовского документа было отсутствие в списке детей – воспитанников детских домов. В остальном же он вполне соответствовал нормативным предписаниям. Оговорки «если» в пп. б) и в) повторяли норму закона. Во-вторых, и умолчание о детях – воспитанниках детских домов, очевидно, совсем не означало, что о них забыли.

Об этом свидетельствуют стипендиальные приказы. В данном случае речь скорее может идти о небрежности составителя названного документа.

Сбор платы за обучение во второй половине 40-х – начале 50-х гг. шёл непросто. Хлопоты о получении справки не всегда приносили истцам желаемый результат – значительная часть документов, хотя и меньшая, представлялась дирекции уже во втором полугодии. Между тем частые «приказы-напоминания» о необходимости платежей, обнародование списков задолжников, а также то обстоятельство, что собирать справки приходилось ежегодно, были явными беспокоящими факторами в жизни подростков и молодых людей.

В 1946 г. апрельский приказ освобождал от платы за обучение 32 чел., июньские приказы – еще 8 чел. Осенью-зимой, т. е. в первом полугодии следующего 1946/47 уч. г., от оплаты были освобождены 77 чел.

В книге приказов техникума за 1947/48 уч. г. в списках учащихся, обязанных платить, значились 159 человек (52 первокурсника, 45 чел. со II-го и 62 чел. с III курса); от платы освобождались 116 учащихся (30 чел. с I-го, 31 чел. со II-го, 26 чел. с III-го курса и 29 чел. с IV-го курса).

Согласно отчётным данным за 1953/54 уч. г. от платы за обучение были освобождены только 145 учащихся (30–32 %). Октябрьские и ноябрьские приказы 1954/55 уч. г. освобождали от платы за обучение 226 чел. (49–60 %).

О тяжести платежей для учащихся Гжельского техникума свидетельствует ряд обстоятельств, правда, по преимуществу косвенных.

Так, по нашим подсчётам, применительно к концу 1947 г. оплатить учёбу не в состоянии оказался каждый пятый учащийся, не имевший освобождения от платежа. Судя по декабрьскому приказу 1949 г. имели место отчисления учащихся «за невзнос своевременно платы за обучение».

Известны и более поздние случаи напряжения с платежами. Так, в самом конце 1950/51 уч. г. в числе неплательщиков значились 31 чел. Дирекция была вынуждена распорядиться о созыве внеочередного педсовета, на котором планировалось решить вопрос «о дальнейшем пребывании в техникуме тех учащихся, которые к 25 июня не внесут плату за обучение».

В 1955 г. – последнем году, когда обучение было платным, – дирекция дважды в июне и декабре приказом предупреждала задолжников. В первом случае речь шла о невозможности перевода их на следующий курс и выплаты стипендии, во втором, «что в случае непогашения ими задолженности до 25 декабря с.г. по отношению к ним будут приняты самые строгие меры, вплоть до исключения их из техникума». В списке задолжников числились 21 человек.

Наконец, анализ приказов об отчислениях за 1946–1955 гг. показал, что семейные и/или материальные обстоятельства были причиной 30 % всех отчислений. Для многих учащихся платежи за учёбу оказывались мало-подъёмными.

Такова объективная картина.

Посмотрим теперь на субъективный аспект темы. Какую роль играли отношения вокруг оплаты за обучение как фактор социализации личности учащегося? Как и чему он научался?

Обратимся к заявлениям и справкам об освобождении от оплаты за обучение.

Приведём наиболее характерные фрагменты заявлений 1948 г.: «отец мой инвалид Отечественной войны, мать – тоже инвалид II гр. – не работает» / «семья у моей матери состоит из девяти человек. Отец мой погиб на фронте Отечественной войны, старший брат – нерабочий инвалид Отечественной войны, мать больна и кроме меня еще 7 младших детей» / «отец погиб на фронте, а мать инвалид второй группы, и на иждивении матери находятся четверо детей – учащихся».

Изучение этого источника позволяет сделать несколько наблюдений.

Первое, таких заявлений и справок много. Через их искание значительная часть учащихся оказывалась вовлечена в гражданско-правовые отношения и с соответствующими государственными учреждениями, и с администрацией учебного заведения.

Второе. Необходимость ежегодного получения справок, в том числе справок об инвалидности самих учащихся (нередко участников Великой Отечественной войны), очевидно, могла будировать у молодых людей неприятие бюрократической организации дела.

Третье, в справках речь шла в основном о родителях, которые, будь они живы и в добром здравии, могли бы обеспечить своих детей необходимыми для обучения средствами. Неполные семьи с родителями инвалидами такой возможности были лишены. Зато такую возможность имело государство, дававшее освобождение от оплаты и, таким образом, в этом отношении «замещавшее» родителей. Явление «замещения» оставило свой след и в языке эпохи: учащихся из числа воспитанников детских домов называли «воспитанными Советской властью». Так выглядело одно из многообразных проявлений патернализма, свойственного отношениям советского человека и советского государства [7].

Выводы

Казалось бы, частная мера – плата за обучение – в действительности была вплетена в сложную систему отношений с участием учащихся, как в стенах самого учебного заведения, так и вне этих стен. Влияние отношений, связанных с платой за обучение, на процесс социализации личности молодого человека было противоречивым.

1) Для значительной части учащихся необходимость платить за обучение была дополнительным стимулом к работе в домашнем хозяйстве и поиску сторонних заработков – явлению, в которое подростки и молодежь особенно первых послевоенных лет были широко вовлечены.

2) Понятно, что, не содействуя качеству образования – мешая такой важной составляющей социализации как выработка профессиональной состоятельности, вышеназванное обстоятельство способствовало ускорению взросления молодых людей.

3) Значительная часть техникумовских учащихся, добиваясь освобождения от оплаты,

получала первые опыты гражданско-правовых отношений с органами государственной власти, «встраиваясь» в существующую патерналистскую систему.

В заключение укажем, что наиболее тяжела плата за обучение была именно для учащихся сельских техникумов, и Гжельский техникум в этом отношении был весьма типичным примером. В условиях завершения индустриализации, на подступах к НТР, требовавшей резкого увеличения выпуска специалистов среднего звена, плата за обучение в СССР, в учебных заведениях всех типов была отменена.

Список литературы

1. Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР. Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. – М.: Всесоюзное уч.-пед. изд-во «Профтехиздат», 1961. – 435 с.
2. Зима Ф.В. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия: монография. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 265 с.
3. История среднего профессионального образования в России. – М.: ИПР СПО, 2001. – Кн. 2. – 700 с.
4. Никонов В.В. Генезис художественно-промышленного образования в регионах бытования народных промыслов: гжельский народный художественный промысел в первой трети XX века: автореферат дис. ... канд. пед. наук. – М., 2015. – 24 с.
5. Огневщиков В.В. Средние специальные учебные заведения Курской области в послевоенный период // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – Вып. 4 (24). URL: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=27> (дата обращения 20.05.16).
6. Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания: монография. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 191 с.
7. Поляковская Н.М. Патернализм советских конституций // Вопросы управления. – 2012. – № 1(18). – С. 291-293.
8. Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2006. – 24 с.
9. Техникумы (средние специальные учебные заведения). Постановления и приказы / сост. М.И. Мовшович, под ред. С.Я. Плоткина. – М.: Гос. изд-во «Советская наука», 1947. – 192 с.